

УДК 398.21

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-265-275

К изучению архаических сюжетов и мотивов в калмыцком фольклоре (по материалам Научного архива Калмыцкого научного центра РАН)

Эльза Петровна Бакаева¹, Инжир Мосиновна Болдырева²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: bakaevaep@kigiran.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник
E-mail: inzir19@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бакаева Э. П., Болдырева И. М., 2020

Аннотация. В статье освещаются архаический сюжет и мотивы калмыцкого фольклора, связанные с темой происхождения человека, его древнейшим бытом. В частности, анализируется мифологический сюжет «*Кумн-амтн яһжэ үүдснэ тускар*» («О происхождении человечества») и публикуется его текст. Образец несказочной прозы записан в 1967 г. у жителя совхоза Сарпа Юстинского района Калмыцкой АССР Тюрбеева Нусхи Кичиковича, 1901 г. р., научными сотрудниками Калмыцкого НИИЯЛИ М. Э. Джимгировым, Н. Н. Убушаевым, Б. Б. Оконовым, В. Д. Пюрвеевым.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, архаический сюжет, происхождение человека, Зара Цецен, хан Мудрый Еж

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монголоязычных наро-

дов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Бакаева Э. П., Болдырева И. М. К изучению архаических сюжетов и мотивов в калмыцком фольклоре (по материалам Научного архива Калмыцкого научного центра РАН) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 265–275. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-265-275

UDC 398.21

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-265-275

Regarding the Archaic Plots and Motifs in the Kalmyk Folklore (on the material of the Scientific archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS)

Elza P. Bakaeva¹, Inzhir M. Boldyreva²

¹Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

E-mail: bakaevaep@kigiran.com

²Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate

E-mail: inzir19@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Bakaeva E. P., Boldyreva I. M., 2020

Abstract. The article focuses on the archaic plots and motifs in the Kalmyk folklore related to the theme of human origin and his ancient life style. In particular, the article analyzes the mythological plot «Kümn-ämtñ yahdzh üüdsnä tuskar» (“Regarding the origin of the humanity”) and publishes the text. The sample of the non-fairy tale prose was recorded in 1967 from the resident of Sarpa village of the Yustinstsky region of the Kalmyk ASSR Tyurbеev Nuskha Kichikovich (born in 1901) by the research associates of the Kalmyk

Research Institute of the Language, Literature and History M. E. Dzhimgirov, N. N. Ubushaev and V. D. Pyurveev.

Keywords: Kalmyk folklore, archaic plot, origin of the human, Zara Tsetsen Khan Wise Hedgehog

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Bakaeva E. P., Boldyreva I. M. Regarding the Archaic Plots and Motifs in the Kalmyk Folklore (on the material of the Scientific archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS). In: *Bulletin of the Kalmyk scientific center of the RAS*. 2020. № 4. Pp. 265–275. (In Russ) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-265-275

Калмыцкий фольклор является богатейшим наследием, в котором отражены древнее мировоззрение калмыков, представления людей о мире и природе, сохранились архаические темы и мотивы, а также элементы древних верований калмыков. В калмыцкой фольклористике мифы остаются одним из малоизученных жанров. Образцы мифологических сказаний и несказочной прозы сохранили архаические компоненты, содержащие и информацию о ранней стадии развития человеческого общества.

В архивных аудиозаписях Калмыцкого научного центра РАН сохранилась образцы сказочной и несказочной прозы, записанные в 1960–1970 гг. у сказителей, проживавших в разных районах республики. Наше внимание привлек текст «*Күмн-амтн яһэж үүдснэ тускар*» («О происхождении человечества») (запись от информанта Н. К. Тюрбеева, 1901 г. р.).

В мифологическом сказании «*Күмн-амтн яһэж үүдснэ тускар*» («О происхождении человечества») представлен весьма архаичный сюжет. В нем говорится о древнейшей эпохе, когда люди только появились и не являлись людьми в собственном смысле, так как не обладали культурой, были слитными с природой, не имели ни одежды, ни социальной регуляции. В сюжетном мотиве допущения женщины с ребенком и кобылы с жеребенком в две

одинаковые лощины, где они должны были обитать, отражен однопорядковый статус человека и животного, которым отводятся (не указывается, кем) идентичные локусы обитания. В мифологическом тексте говорится, что люди не имели одежды и прикрывались листьями растений. Они питались дарами природы. Более того, в развитии сюжета присутствует мотив борьбы человека и животного за территории, которые служат источником жизни, источником пропитания.

Необходимо отметить, что в фольклоре калмыков, как и в фольклоре ряда тюрко-монгольских народов, ранний этап развития общества характеризуется собирательством; в сюжетной канве образцов фольклора, в которых действие происходит в древнем обществе, для которого характерно собирательство, часто фигурирует образ лошади (которую затем приручает человек). Так, в калмыцкой сказке «Три брата» кобылица спасает новорожденных детей в стране грозного хана, выкармливает их, одаривает их табунами лошадей. В тувинском героическом сказании герои, «„осваивающие мир заново“, то есть выступающие как культурные герои, осваивают рыболовство и начинают постепенно охотиться, после чего следует сюжет одомашнивания героями жеребенка — метафорического зарождения коневодства» [Бакаева, Баянова, Куканова 2020: 293].

В мифологическом сказании «О происхождении человечества» в «одинаковых лощинах» поселяются женщина с ребенком и кобыла с жеребенком: семантически обозначен один уровень «живых существ» (что обозначается калмыцким термином *эмтэ юмн* 'существа, обладающие [душой-жизненностью] *эмн*' или *эмтн* 'люди'. Таким образом, акцентируется биологическая сущность человека и животного.

В образцах калмыцкого фольклора исследователи фиксировали древнейшие представления о ранней стадии развития человеческого общества, для которого характерным являлось собирательство [Бакаева, Баянова, Куканова 2020]. Однако в сказании «О происхождении человечества» речь идет о еще более ранней стадии невыделенности человека из природы и зарождении соб-

ственно человеческого общества, отделении человека от мира животного, выделении критериев, которые являются маркерами человеческого общества — использование одежды, предметов, связанных с орудиями собирательства (кожаные мешки для сбора растений), осознание родственных связей между людьми, осмысление отцовского рода и материнской линии родства.

Примечательно, что наделение человека культурными маркерами происходит в мифологическом тексте на «собрании» (калм. *хург*) «ханов». Но имя центрального героя, осуществляющего функции культурного героя, — хан *Цецн Зара* ‘хан Мудрый Еж’ — свидетельствует о том, что собрание «ханов» представляется в калмыцком мифологическом сказании собранием живых существ.

Цецн Зара ‘Мудрый Еж’ выступает в мифологическом калмыцком сюжете как создатель брачных обычаев и спаситель мира, отличающийся мудростью. Этот образ в калмыцком фольклоре выступает как культурный герой. Т. Г. Басангова отмечает, что сохранились два сказания о Мудром Еже в записи знатока калмыцкого фольклора И. И. Попова. Один из текстов более развернутый, он сохранился только на русском языке в изложении И. И. Попова. Другой текст — краткий, записан на калмыцком языке. Этот второй текст опубликован в томе Свода калмыцкого фольклора «Мифы, легенды и предания калмыков» в разделе «легенды и предания» под названием «Зара Цецн йос закасн тууж» («Предание о том, как Мудрый Ёж узаконил обычай») [Мифы 2017: 100–101, 305].

Анализируя образ Мудрого Ежа в фольклоре калмыков и ойратов и приводя мифологический сюжет со ссылкой на работу Осорин Утнасун [Осорин 2011¹], Т. Г. Басангова отмечает общую черту: он предстает как создатель брачных обычаев, даже свадебных ритуалов, и характеризуется как автор «закона» о браке [Басангова 2017: 35].

¹ Необходимо отметить, что в работе дана неточная ссылка. На указанных страницах в работе Осорин Утнасун [Осорин 2011: 85–89] нет приведенной в работе Т. Г. Басанговой цитаты. Вероятно, в текст вкралась опечатка.

В культурной традиции бурят образ Ежа предстает как советник богов, помогающий восстановить мировой порядок — вернуть небесные светила Солнце и Луну хану Хормусте, а также как создатель огня и имеющий отношение к приучению быков к ярму, а лошадей к седлу и узде [Басангова 2017: 35]. Ёж выступает как персонаж космогонических преданий и в фольклоре разных народов. Так, Д. Разаускас и Т. Цивьян подробно рассмотрели особенности образа ежа в демиургических сюжетах народов балто-балканского ареала, связав особенности сюжетов с его внешними особенностями, образ ежа — с маткой, зародышем и первоплодом, а также и показав солярную ипостась ежа [Разаускас, Цивьян 2015].

В свете вышеизложенного наглядно выявляется особое значение текста мифологического сказания о происхождении человечества и о роли в этом Ежа Мудрого, запись которого хранится в Научном архиве КалмНЦ РАН [НА КалмНЦ РАН Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 62 (71)].

Во-первых, текст содержит сюжет об установлении *Цецн Зара* (Ежом Мудрым) обычая брачного регулирования, как и в текстах, зафиксированных И. И. Поповым, — но представляет иной вариант сюжета, отличающийся от зафиксированных этим собирателем фольклора.

Во-вторых, текст записан во второй половине XX в., что свидетельствует о временной сохранности архаических сюжетов и их бытовании в недавнем прошлом.

В-третьих, согласно сюжету мифологического сказания из НА КалмНЦ РАН, образу Мудрого Ежа приписывается не только установление брачных обычаев. В этом архаическом сказании он выступает как культурный герой, формулирующий основания отделения человека от природного мира: необходимость ношения одежды, причем обязательно пестрой, соблюдения меры в употреблении пищи, использования предметов, необходимых для собирательства, а также осознания принципов родового родства — по отцовской и материнской линиям.

Как известно, большинство ученых считают, что становление человека биологического существа в социальное и культурное

происходило одновременно в протекавших параллельно процессах антропогенеза и социогенеза. И появление человека разумного (*Homo sapiens*) означало завершение антропосоциогенеза. Среди ученых дискутируются такие вопросы, как определение нижней границы начала антропогенеза (с какой формы предлюдей начинать историю человека) или как определять хронологические рамки антропогенеза.

Дополнительный материал для исследователей первобытного общества дают и фольклорные материалы, в которых передаются особенности осмысления в этнических традициях критериев превращения человека из существа биологического (наделенного жизненностью, калм. *эмтэ юмн*) в существо социальное, которое отличается от «человека неразумного» осознанием принципов родства и необходимости заключения браков между представителями разных родов. Сопоставление с миром животных в калмыцком тексте передано через архаический мотив одновременного взращивания ребенка женщиной и жеребенка кобылой, через мотив их поселения в одинаковых природных условиях и отсутствия какого-либо подобия жилища у них. В калмыцких и ойратских мифологических текстах этот принцип выделения человека из природного окружения и превращения именно в человека сформулирован ясно и четко: это наличие одежды, ведение счета по роду и недопущение браков между представителями одного рода, а также соблюдение меры в пище, использование приспособлений для хранения продуктов.

В калмыцкой народной традиции одежды принцип, сформулированный в архаическом тексте о происхождении человечества, соблюдался до самых поздних времен. Это принцип *цоохр эд элдэг* ‘использовать пестрый материал’, который выражался в сохранении обычая обязательного включения разных элементов при шитье костюма в наплечную одежду и в головные уборы. Так, даже шитые из овчины шубы *девл* всегда отличались у калмыков, как и у ойратов, декоративной отделкой другого цвета; в костюмах использовались вышивка, аппликация, а также разные ткани, а в головные уборы калмыки обязательно шили не из одного меха, а с включением элементов из другого меха или ткани.

«Пестрота» одеяния предстает как отличительный признак социализированного человека, как и «пестрота» его связей, выраженных понятием «инопеченочный» (то есть принадлежащий к иному роду). Эта пестрота означает включенность человека в род, в общину. Каждая деталь в одеянии имела значение в традиционном обществе: расположение элементов на одежде и головном уборе, их положение. К примеру, если у калмыков в благопожеланиях формула *махла хооран* 'с головным убором, сдвинутым назад' означала удачливое движение «навстречу», то у донских казаков «шапка казачьего атамана, скошенная набок, или сброшенная с головы, означала готовность выступить в поход, а иногда и символическую смерть, после которой следовало обретение нового статуса. Так на Дону шапками старики закидывали вновь избранного атамана. В донском свадебном обряде манипуляции с шапкой жениха символизировали обретение им брачного статуса» [Рыблова 2020: 116].

Принцип социальных различий, выделяющих человека как разумное существо, у калмыков действует и поныне: сохраняется память о запрете заключения браков между родственниками до 7 колена, а также о том, что представители одной «кости» ('*ясн*') не могли заключать между собой браки.

Примечательно, что в калмыцком фольклорном тексте о происхождении человечества решающая роль принадлежит образу Мудрого Ежа — *Цецн Зара*, который выступает как культурный герой. И в этом специфика его образа в калмыцком фольклоре — образ этого животного имеет весьма различную коннотацию в культурах других народов (см., например: [Разаускас, Цивьян 2005; Рыблова 2020]).

Таким образом, запись архаического сюжета, хранящаяся в Научном архиве КалмНЦ РАН, является уникальной. Она представляет новый вариант сюжета о происхождении человека, содержит отсутствовавшие в ранее введенных в научный оборот мотивы и сюжетные элементы. Публикация текста, записанного в 1967 г. калмыцкими фольклористами, предлагается ниже.

«Күмн-эмтн янж үүдснэ тускар»	«О происхождении человечества»
<p>Эн эмтн гиж кезэнэһэ иигэд өмнөн хамтхс-мамтхс иигэд нааһад йовдг зерлг бээж эмтн. Тегэд тер эмтн гиж үүдэхэд һарһсн. Иигэд келхд, хувцн-хунр уга, нүцкн, хамтхс-мамтхсар белг-бекэн халхлдг тиим бээж.</p>	<p>Те, кто называется ныне людьми, давным-давно были дикими людьми, которые спереди прикрывали себя всякими листьями. Так эти люди были созданы. Так сказать, они были без одежды, обнаженными, и листьями прикрывали половые органы.</p>
<p>Тер эмтн үүдсн цагт йовж йовсмн. Түүнд унһта гү нег күүкд кү хойриг хойр эдл хотхрт орулсн юмнчн. Хойр эдл хотхрт орулад идүлхлэ, унһта гүн өрэлдэд идсн цагт, цаадк күүктэ гергн одакан идчкэд, одак унһта гүүнэс ирж буладж гижэнэ.</p>	<p>Это было во времена, когда впервые появились люди. В те времена и в том месте кобылу с жеребенком и женщину с ребенком пустили в две одинаковые лощины. Когда их пустили в две одинаковые лощины для пропитания, то, пока кобыла с жеребенком ела свою половину [часть], женщина с ребенком, съев свое, перешла в лощину, где паслась лошадь с жеребенком, и стала отбирать [пищу] у кобылы с жеребенком.</p>
<p>Унһта гүн, ирэд буладхла, зарһ бэрлджэнэ эдн. Зарһ болна. «Ода би яахмб, эдн булаһад идчкв гнһэд [гүн келжэдгж]. Тегэд түүнэсн ода хамг келн эмтнэ хан цуглрна. Хан цуглрад, ода хург болжадгж. Ода ямаран кевэр күмн-эмтиг бэрхмб гиж келжэдгж. «Янж бэрхмб? — гихлэ, келжэдг болна: «Бэрж болх. Хург хурад медх», — гиж. Тер хург хурчкна. Хурхла, Зара Цецн хан гидг хан ирлго бээһэд бээж.</p>	<p>Кобыла с жеребенком, когда пришли в ее лощину, стала судиться. Был суд. «Теперь что мне делать, они отобрали и съели [, — кобыла говорит]. Тогда собрались властители (ханы) разных народов. Собрались ханы, собрание идет. «Теперь каким образом управлять человечеством?» — говорят. Когда спросили, как управлять, было сказано: «Можно управлять. На собрании решат». Все пришли на собрание. Но не было хана Мудрого Ежа.</p>

<p>Зара Цецн хан көлвэдэд орад аашдгж. — Ой, танар хург дутад бээв, — гинэ. Тиигхлэ Зара [Цецн] хан кельжэнэ: — Хургт одх? Юуһар, яһад? — гинэ. Ода иим учрта иим юмн болв эн. Мөрн күн хойриг, күүкдтэ гергн уһнта гүн хойриг иигэд орулу-видн. Хойр эдл хотхрт орулхла, уһнта гүн өрөлинь идэд уга бээтл, күүкдтэ күн цугинь идчкэд, уһнта гүүнэс ирэд булалдж. Тер төлэд ода эн күмн-эмтиг ямаран кевэр хадһлх гиж хург болжана.</p>	<p>Мудрый Еж-хан прикатился-прибыл. — Ой, только Вас не было на собрании, — сказала. Тогда хан [Мудрый] Еж говорит: — На собрание? По какому поводу, зачем? — спрашивает. — Вот такой случай произошел. Лошадь и человека, женщину с ребенком, кобылу с жеребенком в две одинаковые лошины завели. Пока кобыла с жеребенком и половину не съела, женщина с ребенком, все съев, перешла в лошину лошади с жеребенком и стала у нее отбирать. По этой причине решили собрать собрание, — говорят.</p>
<p>Тегэд та удадад бээвт, хургт [ирхдэн] удан болвт, — гижэнэ, ода Зара Цецн хаанас суржана энчн. Тиигхлэ келнэ: Ай, юн бээнэ түүнд. Далаһар күн уйдад бээх, күн түдэд бээх юн бээдмб түүнд? Амрл юмн тертн. Эрэнь цоохр эд эдлдг, илгр* уутан авдг кехм терүг, — гижэнэ тегэд. Күүнд киилг, шалвр өмсдг кеһэд, кемжэтэ хотд орулхм, — гиж келсмн.</p>	<p>Вы же долго шли на собрание, говорят. Когда у Мудрого Ежа спросили, он сказал: «Ай, что тут такого. Зачем сильно грустить, переживать по этому поводу? Это легко. Нужно сделать так, чтобы люди носили пеструю одежду, чтобы использовали кожаные мешки из выделанных шкур», — говорит. Сделаем так, чтобы люди носили рубашки и штаны, чтобы употребляли пищу в меру и ели в меру, — так сказал [Мудрый Еж].</p>
<p>Тегэд эн зака[һа]р эмтн шар цоохр эдэн эдлдг болад, киилг, шалвр, хувц өмсдг болад, элгн-бүр, одак төрл-төрсн, зе-һаһцх хоорндан цеерлдг болад, иигэд күн болж зогссн юмн.</p>	<p>Так в соответствии с этим законом люди стали носить пеструю одежду, стали носить рубахи и штаны, признавать родственные связи между собой и родовые связи и связи по материнской линии [учитывая при подсчете степени родства]. Так люди стали людьми.</p>

* Илгр – илгн.

Источники

Күмн-эмтн ялж үүдснэ тускар — Күмн-эмтн ялж үүдснэ тускар // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН). Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 62 (71). Юстинский р-он, с-з Сарпа. Зап. в 1967 г. М. Э. Джимгировым, Н. Н. Убушаевым, Б. Б. Оконовым, В. Д. Пюрвеевым у Тюрбеева Нусха Кичиковича, 1901 г. р.

Литература

- Бакаева, Баянова, Куканова 2020 — *Бакаева Э. П., Баянова А. Т., Куканова В. В.* Традиции собирательства в фольклоре калмыков и тувинцев // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 289–301. DOI: 10.25178/nit.2020.4.20
- Басангова 2017 — *Басангова Т. Г.* Образ Зара Цецена (Ежа Мудрого) как культурного героя в фольклорной традиции калмыков и ойратов Синьцзяна // *Mongolica*. СПб.: ИВР РАН, 2017. Т. 19. С. 34–37.
- Басангова 2012 — *Басангова Т. Г.* Культурный герой в мифологии калмыков // Мир Центральной Азии – 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 616–619.
- Мифы, легенды и предания калмыков 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков. М.: Вост. лит., 2017. 367 с.
- Осорин 2011 — *Осорин У.* Шинжэнэ өөрднрин домг, домгүлгүрин болн сидтэ туульсин туск шинжллт (= О мифах, легендах и сказках ойратов Синьцзяна) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 193–196.
- Разаускас, Цивьян 2005 — *Разаускас Д., Цивьян Т.* Еж в космогонических преданиях (балто-балканский ареал) // Балтийские перекрестки: Этнос, конфессия, миф, текст. СПб.: Наука, 2005. С. 197–231.
- Рыблова 2020 — *Рыблова М. А.* Предметный код жениха в свадебном обряде донских казаков // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Мат-лы XII междунар. Кубанско-Терской науч.-практ. конф. (г. Армавир, 2020 г.). Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2020. С. 115–118.